Лейтенант Вернидуб

Иван Стаднюк

SHOUT
SHARE
IT

- Стаднюк Иван

Стаднюк Иван
Лейтенант Вернидуб

Иван Фотиевич СТАДНЮК
Лейтенант Вернидуб
Рассказ

Черная нитка телефонного провода перемахивала через ручеек с заболоченными, поросшими густой осокой берегами и, прячась в ярко-зеленой траве, среди тальника, осины, уходила в сторону переднего края. Вдоль нитки торопливо шагал невысокий, стройный человек с солдатским вещевым мешком за спиной.

Это был Сергей Вернидуб - молодой лейтенант, только что прибывший на фронт после окончания Баталинского артиллерийского училища. Он спешил в первый дивизион, куда получил назначение.

Худощавый, не очень широкий в плечах, он никак не оправдывал свою необычную фамилию. Зато круглое, курносое лицо с тяжеловатым, выступавшим вперед подбородком, острые карие глаза с золотинкой да густо-черные, слегка нахмуренные брови выдавали в Сергее Вернидубе человека упрямого, настойчивого.

В штабе полка Вернидубу сказали:

- Будете служить в дивизионе капитана Ломтева...

И сейчас, направляясь к месту службы, Сергей думал:

"Не тот ли это Ломтев? Неужели он?.."

Сергей Вернидуб много слышал о Ломтеве. О нем не раз вспоминали на курсантских и комсомольских собраниях. Портрет Ломтева висел в вестибюле главного учебного корпуса на Доске героев-фронтовиков - воспитанников училища.

Нитка телефонного провода вывела его к жидкой сосновой роще с густым подлеском. Сергей остановился. Впереди, в тени ветвистого дерева, он увидел бугорки над накатами блиндажей. Здесь и размещался командный пункт первого дивизиона.

Вернидуб решительно зашагал в направлении блиндажей. У крайнего блиндажа лицом к лицу столкнулся с высоким офицером. Из-под его выгоревшей пилотки выбивались светлые, как конопля, волосы. На гимнастерке сверкал орден, на погонах - по четыре звездочки. Офицер вопросительно уставился на Сергея серыми, с чуть зеленоватым отливом глазами.

- Лейтенант Вернидуб? - спросил он.

- Так точно! - ответил Сергей, и у него мелькнула мысль: -

"Командир дивизиона! Значит, не тот..."

Сергею стало вдруг горько, что этот капитан не оказался тем Ломтевым - героем, служить под командованием которого каждый выпускник их училища посчитал бы за честь. Надтреснутым баском он представился:

- Товарищ капитан, лейтенант Вернидуб прибыл в ваше распоряжение для дальнейшего прохождения службы.

Капитан выслушал Вернидуба, потом крепко стиснул его руку и, рассматривая молодого лейтенанта цепким, изучающим взглядом, сказал:

- Ну, пошли на наблюдательный пункт. Командир дивизиона уже звонил, справлялся о вас.

- А вы?.. - смущенно спросил Вернидуб.

- Я? Я, брат, в начальниках штаба пребываю, Гусев моя фамилия. - И капитан засмеялся.

...Наблюдательный пункт артиллерийского дивизиона находился почти на противоположной опушке рощи. Сергей еще издалека заметил приставленную к могучей сосне высокую лестницу, а у сосны - блиндаж. На насыпи блиндажа сидел солдат и держал у уха телефонную трубку. Увидев приближающихся, солдат запрокинул голову вверх и крикнул:

- Товарищ капитан, идут!

Не успели еще Вернидуб и капитан Гусев подойти к блиндажу, как с вершины дерева раздался твердый, ровный голос:

- А ну, показывайтесь, товарищ лейтенант! Залезайте на площадку. Иващук, уступите место.

По лестнице начал спускаться Иващук - артиллерийский разведчик крупный, мешковатый солдат.

- Поживей, Иващук! - подстегнул его голос с дерева. - А то вроде корзину с яйцами на голове несете!

Изащук чуть проворнее стал пересчитывать руками и ногами перекладины. Наконец он достиг земли, и Вернидуб быстро взбежал по лестнице.

- Вот это дело! Узнаю выучку! - И навстречу Сергею протянулась крепкая рука.

Сергей увидел широкое, чуть скуластое добродушное лицо с прищуренными глазами и приветливой улыбкой. Узнал. Это был тот, настоящий, Ломтев.

- Лейтенант Вернидуб прибыл... - начал докладывать Сергей, но Ломтев перебил:

- Давно жду вас. Как позвонили из штаба полка, что прибыл лейтенант из Баталинского училища, так я и покой потерял. Что там у нас? Садитесь за стереотрубу: глядите и рассказывайте.

Сергей осмотрелся. На крепких сучьях сосны плотно

уместилась большая треугольная рама из толстых бревен. На раме укреплены броневые щитки один снизу и два по бокам. Над головой также щит - против шрапнели. Стереотруба двумя призмами смотрела из-за ствола сосны вперед, поверх верхушек других деревьев. Тут же, на сучке, укреплен телефонный аппарат.

Ломтев отстранился от стереотрубы, уступая место Сергею:

- Смотрите и рассказывайте, - повторил он.

- Я так не умею, - смущенно ответил Сергей. - Наблюдать нужно сосредоточенно.

- О-о!.. - воскликнул Ломтев. - Наша школа. Ну, раз так, наблюдайте.

Перед взором Сергея встала впервые виденная им картина: верхушки сосен, за ними луг, ручей, за ручьем проволочные заграждения и зигзаги фашистских траншей. Временами над бруствером траншеи мелькали солдатские каски. И все, что попадало в поле зрения Сергея, непрерывно качалось: вниз, вверх, вниз, вверх...

За первой линией траншей Сергей увидел пустынную дорогу, которая на правом фланге поворачивала на восток, пересекая вражескую оборону. В том месте, где дорога была перекопана траншеей, высился телеграфный столб. Сергей разглядел на нем уцелевшие чашки изоляторов и даже обрывки проводов. "Вот ориентирчик! - подумал Вернидуб. - Как фашисты не сообразят спилить его?"

Мелколесье - кудрявое, густое, припудренное рыжеватой, перегоревшей от снарядных взрывов землей, со всех сторон обступало огневые позиции артиллеристов. Пушки, длинноствольные, безмолвные и, казалось, разморенные жарой, дремали под широкими маскировочными сетями на круглых площадках, прильнув станинами к земле.

На огневой царил покой. Артиллеристы, натрудившись ночью при оборудовании новых запасных позиций, отдыхали в блиндажах, в ровиках там, где их не доставали палящие лучи солнца. Редкие выстрелы за опушкой рощи были привычными.

Сергей Вернидуб сидел на траве в тени орешника и глядел на расстеленную топографическую карту. На ней условными значками были нанесены цели в секторе обстрела батареи, в состав которой входил его огневой взвод. Каждый вражеский дзот, каждое пулеметное гнездо, позиции немецких орудий и минометов занумерованы, и подготовлены данные для стрельбы по ним. Хоть сейчас открывай огонь, и снаряды метко накроют цели. Но стрелять пока нельзя. Нельзя показать врагу, насколько точно разведана его огневая система.

Стоял знойный июнь 1944 года. Над белорусскими лесами и

болотами висела тишина.

Понимал лейтенант Вернидуб, что тишина эта обманчива, не сегодня завтра начнется наступление, но не мог мириться с бездействием, с унылой тишиной. Ведь это фронт! Уже два дня командует он огневым взводом и за это время не послал по врагу ни одного снаряда.

Сергею вспомнился разговор с капитаном Ломтевым. Командир дивизиона жадно расспрашивал об училище. Потом сказал, что обязательно напишет туда письмо. Но напишет после того, как он - лейтенант Вернидуб - проявит себя в бою. "Им нужно знать, как воюют их питомцы", - объяснил Ломтев.

Заметил ли Ломтев, что при этих словах сбежались на переносье Вернидуба и без того нахмуренные брови? Наверное, нет. Сергею не хотелось, чтобы командир дивизиона уловил его волнение. Он представил себе, как там, в училище, читают на комсомольском собрании письмо Ломтева о боевых делах бывшего курсанта Вернидуба, как одобрительно гудит зал и загораются жаждой подвига юные сердца комсомольцев. Но зачем ему волноваться? Разве не умеет он стрелять, управлять огнем орудий? Может, не лучше многих других выпускников Баталинского училища, но и не хуже. Сколько раз на артиллерийском полигоне, когда стрелял Вернидуб, старшина полигонной команды хватался руками за голову и сокрушался: "На таких стрелков никаких мишеней не наготовишь!.."

И вражеский обстрел был для Сергея не в диковинку. Еще в первый год войны он, крымский десятиклассник, мирный житель тихой деревни на мелководном Салгире, добровольцем ушел на фронт. В туманный октябрьский день его часть с тяжелыми боями отходила к Керчи. Жестокие обстрелы, бомбежки, танковые атаки. На Таманском полуострове Сергея ранило. Потом госпиталь, запасной полк, училище. Теперь опять фронт. Нет у Сергея такого слова, чтобы сказать, как стремился он сюда.

Сергей не хотел сознаться даже самому себе, что мечтает в первом же бою сделать что-то большое и чтоб об этом услышали там - в Баталинске.

"Но когда же? Когда начнем наступать?"

Мысли его прервал оклик телефониста:

- Товарищ лейтенант!

В два прыжка Сергей оказался в ровике, у телефона. Взял трубку и услышал хрипловатый голос командира батареи:

- Лейтенант Вернидуб? Понаблюдайте правее ориентира один. У телеграфного столба - дзот. С запасной открытой - уничтожьте!

- Есть уничтожить! - выкрикнул Сергей и смутился. Очень уж

радостно и по-мальчишески бойко прозвучали его слова. "Не похож ли я на петушка?" подумал он и вопросительно покосился на телефониста - молодого солдатика с облупившимся носом и ясными голубыми глазами, в которых лейтенант прочитал такой же восторг, каким был охвачен сам.

- Есть работка? - сиплым, возбужденным голосом спросил телефонист.

- Есть, - сдержанно ответил Вернидуб и тут же подумал: "Дзот у телеграфного столба - это в секторе первой батареи! Почему же мне?.."

Погасил улыбку, догадался: капитан Ломтев дает возможность пострелять именно ему.

"А может, проверяет? Проверяет, как умею стрелять?.. Ну, что ж, покажу". - И властно скомандовал:

- Второе, к бою!..

Вмиг огневая позиция взвода ожила. Из блиндажа, из ровиков выскакивали солдаты. Еще секунда-две, и расчет второго орудия занял свои места.

Командир расчета - пожилой сержант с угловатым некрасивым лицом, коричневой жилистой шеей, наморщив и без того морщинистый лоб, стоял поодаль от орудия и глядел на командира взвода, дожидаясь распоряжений. Сержант этот, фамилия его Бобров, не понравился Сергею при первом же знакомстве. Сергея насторожил острый взгляд глубоко сидящих под косматыми бровями глаз Боброва. Да и все лицо его - широкий, вздернутый нос, тянущаяся вслед за ним верхняя губа - толстая, точно вывороченная наизнанку, щеки, прорезанные двумя глубокими складками, спадавшими от носа к подбородку, - было угрюмым и недовольным. Сергею казалось, что Бобров смотрит на него с недоверием, точно на мальчишку, который взялся не за свое дело.

Сейчас, встретившись взглядом с сержантом, Сергей спохватился и точно притушил свое возбуждение и восторг, вызванные предстоящей стрельбой.

"И бобру этому покажу, как умеет стрелять лейтенант Вернидуб", - с непонятным недовольством по отношению к сержанту подумал Сергей и скомандовал:

- На колеса! Занять вторую запасную!..

Сергей стоял в окопе и, маскируясь воткнутой в бруствер веткой осины, глядел в бинокль на далекую дорогу. Сердился на себя, что долго не проходило волнение. Он хорошо видел черную полоску амбразуры вражеского дзота. Дзот был расположен у самого телеграфного столба, на котором сверкали под лучами солнца фарфоровые изоляторы.

Сергей удивлялся непредусмотрительности гитлеровцев: телеграфный столб дает возможность любому артиллеристу накрыть дзот первым же снарядом. Каждому известно, что высота телеграфного столба равна шести метрам. Нескольких секунд достаточно, чтобы шесть разделить на его угловую величину и умножить на тысячу. А угловая величина всякого предмета вмиг устанавливается по сетке бинокля. И ничего больше не нужно артиллеристу, если стоит пушка на прямой наводке. Ставь прицел, лови цель в перекрестке панорамы и - крой!

Вернидуб повернулся, чтобы подать команду, и заметил устремленный на него пытливый взгляд сержанта Боброва. Сержант стаял за недалеким кустом можжевельника, а дальше, за еловыми ветками, - замаскированное орудие. Свали одну ветку - и можно стрелять.

Угловатое, губастое, загорелое, как хлебная корка, лицо командира расчета было сосредоточенным, но не таким угрюмым, как всегда. Сергею показалось, что Бобров смотрит на него с сочувствием, точно понимает его душевное состояние. И это не понравилось Сергею. Не любил он, когда смотрели на него как на подростка. Ведь ему двадцать второй!

Нарочито сдержанным голосом скомандовал:

- По дзоту у столба гранатой, взрыватель фугасный, заряд полный, прицел тридцать два, отражатель ноль, угломер тридцать ноль-ноль, наводит в амбразуру, один снаряд...

- ...Один снаряд!.. - деловито и спокойно повторял за ним сержант Бобров.

- Огонь!..

Резко ахнула пушка, взвихрив впереди себя выхваченные из травы пыль и прошлогоднюю высохшую листву. Сергей прильнул глазами к биноклю. Ощутил знакомое каждому артиллеристу томление, пока снаряд летит до цели!

Но что это? Сергей ничего не видит. В окулярах бинокля - рыжая муть.

Сергей опустил бинокль и прямо перед бруствером своего окопа заметил круглую мохнатую пышку, из которой вытекала струйка рыжей пыльцы, образуя небольшое облачко. Это волна выстрела бросила сюда прошлогодний, просохший насквозь гриб - "порхушку".

Сергей отодвинулся в сторону и опять припал глазами к биноклю. Тотчас же прямо перед собой увидел приближенное линзами бинокля клубящееся облако взрыва. Дзот и телеграфный столб исчезли в нем.

Сергей повернулся к орудию и, удостоверившись, что наводчик уточняет наводку, чуть помедлил и снова скомандовал:

- Огонь!

"Для верности", - подумал он и опять поднял бинокль.

Вернидуб был убежден, что снаряды точно легли в цель, и хотел увидеть это. Но пыль и дым, поднятые взрывами снарядов, как назло, долго не рассеивались. Будь он, Сергей, сейчас где-нибудь в стороне от пушки, мог бы сразу уточнить, куда упали его "гостинцы".

В воздухе тоненько завыла мина. Сергей понял, что немцы засекли его пушку.

- Отбой! Орудие в укрытие! - подал команду.

Солдаты впряглись в лямки и быстро покатили орудие в глубь мелколесья, к заранее подготовленному окопу. Вернидуб же остался на прежнем месте, чтобы посмотреть результаты стрельбы.

Вокруг огневой позиции, где недавно стояла пушка сержанта Боброва, рвались вражеские мины, а Сергей все всматривался вперед. Он точно окаменел, точно прирос к стенке окопа. Там, на линии вражеских траншей, уже осела пыль, поднятая разрывами снарядов, растаял дым, и Сергей отчетливо видел в бинокль, что дзот и телеграфный столб невредимы. Снаряды не долетели до цели метров сто. А пушка уже в укрытии...

Такого с ним еще не бывало.

"В чем дело? Что подумает капитан Ломтев?"

Сергей представил себе наблюдательный пункт командира дивизиона. Был убежден, что Ломтев наверняка следил в стереотрубу за его стрельбой.

Собравшись с мыслями, Сергей опять высчитал расстояние до цели. Все правильно, ошибки быть не может. Значит, подкачал наводчик или с зарядами неблагополучно...

Минометный обстрел утихал, и Вернидуб, выскочив из окопа, побежал в тыл, куда расчет укатил пушку.

Сержанта Боброва он нашел в ровике, вырытом под кустом можжевельника. Бобров сидел там вместе с наводчиком - молодым черноглазым пареньком, у которого на погонах краснели ефрейторские лычки, и молча курил самокрутку. Остальные номера расчета укрылись в щелях по соседству.

- С каким прицелом вели огонь? - строго спросил у наводчика Вернидуб.

- Как было приказано, - ответил за ефрейтора Бобров. - Только, товарищ лейтенант, мне кажется, что цель находится дальше. Просчет получился.

Сергей метнул на сержанта негодующий взгляд.

"Верно, - подумал, - надо было промерить расстояние по другим ориентирам..." Резко подал команду:

- К бою! На колеса!

Расчет бросился к широкому окопу с высоким бруствером и выкатил оттуда пушку. Вернидуб, ухватившись за щит, вместе с солдатами начал неистово толкать ее вперед.

В этот момент услышал голос связного:

- Товарищ лейтенант, к телефону. Командир дивизиона вызывает.

- Отставить, - глухо сказал Сергей расчету и, уронив голову, побрел на основную огневую позицию взвода.

Молча сел на землю возле окопчика телефониста, молча взял трубку и каким-то чужим, надломленным голосом сказал:

- Лейтенант Вернидуб у телефона.

В ответ услышал спокойный, твердый голос Ломтева:

- Вернидуб, фашисты надули нас с вами. А стреляете хорошо. Снаряды положили в одну точку и в створе цели.

Сергей приготовился услышать что угодно: упрек, ругань, насмешку, только не этот спокойный голос да еще похвалу. За что?! Он хотел возразить, но уловил в голосе Ломтева жесткие нотки:

- Приказываю уничтожить дзот! Только не нервничать! - Затем голос командира дивизиона зазвучал совсем мягко: - А телеграфный столб, когда вновь будете определять расстояние до цели, в расчет не принимать. Ясно?

Командир дивизиона не отрывал глаз от стереотрубы. Ветер тихо качал дерево, и в окулярах оптического прибора мерно колебались земля и небо. Ломтев наблюдал за дзотом, расположенным у столба. По его расчетам, лейтенант Вернидуб вот-вот должен был опять открыть огонь.

Вдруг Ломтев увидел, как чуть правее дзота взметнулось серое облачко разрыва. Представил себе, что делается сейчас на огневой позиции. Вернидуб, наверное, скомандовал: "Отметиться по разрыву!" Наводчик снова ловит амбразуру дзота в перекрестье панорамы. Потом кладет пальцы на шершавые насечки барабанчиков угломера и отражателя, подводит центр перекрестья панорамы к центру разрыва снаряда и опять лихорадочно крутит обеими руками ручки подъемного и поворотного механизмов, снова наводит перекрестье прицела в амбразуру. Наверное, уже навел.

Словно в подтверждение мыслей Ломтева, над тем местом, где находился фашистский дзот, вскинулись вверх глыбы земли, в клубах дыма и пыли мелькнули бревна. Через некоторое время донесся звук выстрела.

- Молодец, - спокойно промолвил Ломтев. - Вторым снарядом поднял цель на воздух...

Вдруг капитан увидел, как на опушке рощицы, которая раскинулась за вражескими траншеями, зашевелились кусты. Крадучись, из них выползла самоходная пушка - бронированная коробка на гусеницах. На ее бортах были закреплены зеленые ветки для маскировки, и даже на длинном стволе висели какие-то букеты из зелени.

Ломтеву было ясно, что фашисты намеревались уничтожить орудие Вернидуба.

"Видит лейтенант опасность или нет? Вдруг не видит? Тогда каюк..."

Капитан схватился за телефонную трубку:

- Срочно "Звезду"!

"Звезда" - первая батарея - отозвалась без промедления.

- Батарея, к бою! - скомандовал ей Ломтев.

Не успел он передать данные для стрельбы, как заметил, что у самого борта немецкой самоходки, смахнув с нее маскировку, взорвался снаряд.

"Вернидуб бьет", - Ломтев с облегчением вздохнул и умолк, позабыв, что там, на батарее, ждут его дальнейшей команды.

На конце ствола самоходки сверкнула вспышка выстрела. В тот же миг ее окутало облако разрыва. Когда облако развеялось, Ломтев увидел: самоходная пушка, вскинув ствол к небу, стояла недвижимо. От нее убегал к роще экипаж. Вскоре струйка дыма над пушкой превратилась в столб...

- Вот это по-нашему! - воскликнул Ломтев и начал поспешно спускаться по лестнице на землю. Ему хотелось сейчас же побывать у лейтенанта Вернидуба.

Предутреннюю тишину разорвал артиллерийский шквал. На позиции фашистских батарей, на траншеи, опорные пункты, на дзоты посыпались сотни снарядов и мин. Артиллерийская подготовка была мощной и длительной.

После того как пехота и танки углубились в оборону фашистов, капитан Ломтев покинул свой наблюдательный пункт. Сев на лошадь, он поехал вперед, на новый, заранее намеченный НП, куда связисты уже потянули телефонную линию.

Вокруг простиралась местность, так хорошо изученная с вершины сосны, но совсем неузнаваемая сейчас. Обгорелые кусты, скрюченная проволока, заваленные траншеи. В воздухе висела рыжеватая пыль и пахло сгоревшей краской. Справа по дороге мчалась артиллерийская упряжка, за ней вторая... Это батареи его дивизиона начали менять огневые позиции. Первым устремился вперед огневой взвод лейтенанта Вернидуба.

Повернув лошадь к дороге, Ломтев дал шпоры. Впереди дымились два "тигра", и он был уверен, что артиллеристы

Вернидуба хоть на минутку задержатся около подбитых ими танков.

Однако капитан ошибся. Сергей Вернидуб спешил к злополучному телеграфному столбу. Столб лежал на боку, сваленный снарядным взрывом, исклеванный осколками.

У самого столба дорогу пересекала полуобвалившаяся траншея. Солдаты, вынув лопатки, начали зарывать ее, чтобы перевезти пушки. А лейтенант Вернидуб топтался у лежавшего на боку столба и скреб огрубелыми пальцами затылок...

Когда Ломтев приблизился к месту, где работали артиллеристы, Вернидуб поспешил ему навстречу.

- Товарищ капитан, - доложил Сергей, - второй огневой взвод второй батареи следует на новую позицию. - Потом менее официально добавил: - А загадку столба раскрыл...

- Ну и как?

- Схитрили фашисты! Нарастили столб. Свалили, наточали и опять вкопали. Стреляйте, мол!.. Вот посмотрите.

- Хитро! - засмеялся Ломтев. - Я так и подумал, когда вы первый раз не дотянулись снарядами до дзота... Хитро! Вот об этом и напишу я в училище. Пусть и там учат нашего брата в оба смотреть. И о самоходке и двух "тиграх", которые вы подбили, напишу, Идет?

- Так не я же, товарищ капитан! - возразил Вернидуб. - Расчеты стреляли. Особенно расчет сержанта Боброва бьет здорово.

- Значит, общий язык с расчетами нашли, - не то спрашивая, не то утверждая, сказал Ломтев.

- Нашел! - Сергей посмотрел на дорогу, где через заваленную траншею переезжали его пушки, и, когда встретился взглядом с сержантом Бобровым, губастое лицо командира орудия расплылось в доброй, теплой улыбке.

1953